

p2  
ш 51

1402.70  
Кук

ВЛАДИМИР ШЕСТЕРИКОВ



Н О В Ы Е      С Т И Х И

ВЛАДИМИР ШЕСТЕРИКОВ

P2  
Ш 51

**НОВЫЕ СТИХИ**

140270

Издательство «Жазушы»  
Алма-Ата — 1969



Владимир Шестериков родился в Северном Казахстане. Прикованный в детстве болезнью к постели, закончил среднюю школу. По профессии — журналист.

Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Смена», «Простор».

75-

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА  
ГОРОДА ПЕТРОПАВЛОВСК

87

## В МАВЗОЛЕЕ

Я слышал гул на всех наречьях.  
В лицо весенний ветер дул.  
Застыл торжественно и вечно  
Зеленых елей караул.

Казалось, в мавзолее людям,  
Пришедшим на вождя взглянуть,  
Что Ленин, утомившись в буднях,  
Прилег на пять минут вздремнуть.

Текла людская бесконечность.  
Звенело солнце серебром.  
Ильич в своем обычном френче,  
Как прежде, продолжал прием.

## РУССКИМ ЖЕНЩИНАМ

Война трубила дни разлуки...  
И за околицей села  
Они роняли молча руки,  
Как птица  
Два крутых крыла.

И как последние патроны,  
Сухие слезы берегли

Для беспощадных похоронок  
И братских холмиков земли.  
И ждали в будни,  
Ждали в праздники,  
И сколько ждать им впереди...  
С каких же пор они повязаны  
Крестами шалей  
На груди!



И взглядом тоже предают,  
Как будто что-то  
Продают,  
Отводят в сторону глаза,  
Когда бедой грозит гроза.  
Когда бы сердцу только надо  
Лишь голубую ясность взгляда.

Но кто-то думает иначе,  
Как будто в хате образа,  
Когда в сторонку  
Тихо прячет  
Свои укромные глаза.

Чтоб не прочли в них,  
Не заметили  
Опасную,  
Как в спину нож,  
Еще живущую на свете  
И страхом пахнущую ложь.

Они умеют быть приятными...  
И в них,  
Как в небо, мы глядим.  
О, это тихое предательство,  
Неуловимое, как дым...

Я думаю  
Про дни те вьюжные,  
Про те тревожные года,  
Когда к нам приходило мужество,  
Чтоб не покинуть  
Никогда.

И я боюсь —  
Вдруг в непогодину  
За тихий угол и уют  
Сегодня — друга,  
Завтра — родину  
Глаза  
Вот эти  
Продадут.



Мальчишка с детства бредит небом,  
Оно вверху, как океан.  
А небо — это только небыль,  
А небо — голубой обман.

А он того не замечает  
И, чтобы стало голубей,  
В него на зорьке запускает  
Охалку снежных голубей.

Он с ними будто бы прощается,  
Когда, срываясь с чердака,  
Они летят и превращаются  
В живое чудо — облака.

И по ночам ему не спится,  
Он смотрит в небо, не дыша,  
Ему бы только уцепиться  
За ручку звездного ковша.

Сияют звезды, как целковые,  
Мальчишка ходит сам не свой,  
Наверно, в детстве Циолковский  
Был тоже болен  
Синевой.

## КАЛЕНДАРИ

Как дерево, календарн...  
Летят листки с них, словно листья...  
В них и закат,  
И зов зари...  
И дали —  
Дальние  
И близкие.

Вам могут щедро их дарить,  
Отдать задаром могут даже.  
Но есть еще календари,  
Которых вовсе нет в продаже.

И вряд ли принесешь их в дар,  
И вряд ли принесет он вести.

Есть в каждом сердце календарь,  
Лишь одному ему известный.

И тихо склонится заря,  
И стих замрет в последней строчке,  
Когда слетит с календаря  
Последний трепетный листочек.

### КОМБАЙН

Я перед ним склонил бы тихо голову,  
Коснулся бы железного плеча...  
Но, торопясь, прошел комбайн по городу,  
Всем корпусом жестоко грохоча.

Он вам в степи надолго бы запомнился,  
В своей работе деловит и лих,  
Ну почему же он такой беспомощный  
Среди высоких зданий городских?

И почему, спеша в степные дали,  
Стесняется он вида своего?  
Простите вид его провинциальный  
За то, что хлеб —  
Провинция его.

### ГРУСТЬ

А высшее веселье — грусть.  
И этой грустью душу лечат...  
Летят, как невесомый груз,  
Грустинки снега мне на плечи.



Имеет право грусть на жизнь.  
Я сотню раз хоть с кем поспорю,  
Что грусть совсем не пессимизм  
И не тоска в минуту горя.  
Но убедительно и веско  
Мне говорят: «Грустить нельзя».  
Мне говорят: «Чего невесел!»—  
На разных праздниках друзья.  
Как объяснить им, что совсем  
Не в громком хохоте веселье,  
Не в топанье в плену у стен,  
Не в том, чтоб что-то хором пели...  
Иду туда, где чутко дремлет  
В снег заколдованная Русь...  
И подтверждают мне деревья,  
Что высшее веселье — грусть.

## РАЗДУМЬЕ

Смотрю на современных  
мальчиков  
И думаю: богатыри...  
Не вы ль  
уходите, как мачты,  
В туман морей на зов зари.  
А нам, родившимся  
в тех грозных  
Годах, что жутко горячи,  
Нам все давалось так  
не просто:  
Не та пора, не те харчи.  
Нам их делили честно поровну

На меньших братьев и сестренок.  
И наше детство пахнет порохом  
Отцовских рыжих гимнастеров.  
И наше детство пахнет боем  
И горьковатым дымом неба.  
И наше детство фронтовое  
Вставало в очередь за хлебом.  
Мы знаем, что такое боль,  
Мы знаем, что такое муки.  
Труднее жизнь, трудней любовь,  
Трудней даются нам науки.  
Но пусть... но пусть подруги наши  
Не ставят это нам в вину...  
Ведь мы сейчас не просто  
старше,—  
Взрослей на целую войну.



До отрешенности лихи  
Мальчишки, песнями воспетые...  
Они великие поэты,  
Хоть наплевать им на стихи.



Ослепляла солнца ярость,  
Выбегали мы к реке,  
Где виднелся белый парус,  
Снежный парус вдалеке.

Мы к нему стремглав бежали,  
Чувству детскому верны,  
Но его не достигали  
И проваливались в сны...

Уходили в юность парни,  
С чемоданами в руке,  
За кормою детства парус  
Бился в дальнем далеке.

Так и жить бы нам, не старясь,  
Ожидая каждый год,  
Что как в синем детстве парус  
Белым облаком мелькнет.



...А в детстве ярче каждый миг  
И даже небо в детстве чище —  
Цепляются за грузовик  
Отчаянный народ — мальчишки.

Им хочется на край земли,  
На них, мальчишек, смотрят косо.  
Меня однажды увезли  
Из детства быстрые колеса.

Судить мальчишек не берусь,  
Я им завидую немножко,  
Куда-то с ними тоже мчусь,  
Как гость,  
У ветра на подножке.

## ЛУННАЯ СОНАТА

Война безумствовала в мире.  
В глазницах окон — ночи власть.  
И только из одной квартиры,  
Как пламя, музыка рвалась.  
Сначала плавно, тихо, робко,  
Грустна немножко и светла,  
Как будто одинокой тропкой  
По саду девочка прошла.  
Потом все громче, громче, громче  
Сквозь притаившийся квартал.  
И каждый знал: бой не окончен.  
И каждый бой свой начинал.  
Казалось, в небе грозы бродят  
И грома не смолкает гул.  
И чужеземец, сдвинув брови,  
Вдруг крикнул: «Больше не могу!»  
Надменно дернулись кокарды,  
Блеснули холодом штыки.  
Громили «Лунную» прикладами  
И ноты рвали на куски.  
Грозили мраком и бедою.  
Но сквозь войны зловещий вой  
Над миром ликовал Бетховен —  
Повстанец с львиной головой.



У памяти свои мосты,  
Что нас соединяют с прошлым,  
И их не могут замести  
Седого времени пороши.

И вот по ним проходишь ты,  
И плещет небо голубое,  
Но кто-то сжег давно мосты  
И за тобой  
И за собою.

Но снова ты приходишь в сны,  
Которые все реже снятся,  
Давно мосты те сожжены,  
И все-таки  
Они дымятся.



Мы входим в этот мир незримо  
И, удивленные,  
Глядим  
На буйство трав,  
В глаза любимым,  
И в небо синее глядим.

На то, как жгуче выются тропы  
И как трепещет стрекоза.  
Нацелены, как телескопы,  
В мгновенья звездные  
Глаза.

Идем туда, где ветры свищут,  
Где крепко солит спины пот,  
Мы ищем счастья,  
Вечно ищем,  
А нам его недостает.

К нему приходим, как к опушке,  
Презрев предательский уют...  
И счет годам ведет кукушка  
И снегом яблони метут.

## МАРТ

О, марта радостные признаки...  
И неба синяя струя,  
В вечернем сумраке, как призраки,  
Деревья сонные стоят.

Прозрачны веток очертанья,  
Они, как юности года,  
Окружены какой-то тайной,  
Которой мне не разгадать.

Белесая вершина леса,  
И небо — наслоенье льда,  
Как знак вопроса, смотрит месяц  
На заколдованную даль.

И все меня куда-то тянет,  
Как будто знает он секрет...  
А может, то и было тайной,  
Что этой тайны вовсе нет.



У любви тоже возраст свой  
И свои сентябри и маи...  
Мы всю жизнь стремимся к одной,  
А ее на всех не хватает.

Мы глотать будем воздух ртом  
И уйдем в штормовые дали.  
И внезапно вдали  
Поймем,  
Что не ждут нас,  
Что мы опоздали.

И напрасно будем весной,  
Задыхаясь,  
Спешить на свиданья...  
У любви тоже возраст свой,  
И не терпит она опоздания.



Летят снежинки плавно, звонко,  
Я снегопад такой люблю.  
Как будто кружатся девчонки  
На выпускном своем балу.

Снежинки тают,  
тают,  
тают,  
Снежинки в юность улетают...  
Нас ослепляет снега девственность —  
Девчонки покидают детство.

Я все еще в тот снег бегу  
И ощущаю вдруг устало  
Прикосновенье робких губ,—  
Снежинка на щеке растаяла.

Тебя открыл я,  
                                как планету,  
И столько зим  
И столько лет  
Лечу к тебе,  
Как будто к свету,  
Не взяв в галактику билет.

А ты совсем не ожидаешь  
И тихо прячешься в рассвет,  
А ты таинственно мерцаешь,  
Как белый яблоневый цвет.

И волны бьют в лицо тугие,  
И нет уже пути назад...  
И раньше, может быть, другие  
До той планеты долетят.

А мне — лишь только песни ветра,  
А мне — крутых дорог разбег,  
И вместо яблоневого цвета  
Мерцающий на ветках снег.

## АВГУСТ

Еще пронзительно-победно,  
Неистовы и горячи,  
Блестят прощальные лучи,  
Как всплески спиц велосипедных.



И словно спутницы в пути,  
Светло запутываясь в лето,  
Летят грустинки паути  
Седыми прядками рассвета.

Еще торжественно заманчив  
Высокой просини ледок,  
Ах, август, как же ты обманчив —  
Жара и первый холодок.

Машины первый хлеб увозят,  
Гуляют ветры по стерне,  
А может, август — это возраст,  
Что в сердце постучался мне.

Еще цветы не отгорели,  
Еще им столько дней цвести.  
Еще так много нужно сделать,  
Чтоб в мудрость осени войти.



Месяц в озеро с неба упал,  
И его не поймать руками...  
Я б на удочку месяц поймал  
Серебристыми вечерами.

Голубое мерцанье в тиши...  
Что со мною!  
Да это я ли!  
Косит месяц серпом камыши,  
А они стоят, как стояли.

В горах закаты цвета меди  
В снегах нетающих купаются...  
И льды, как белые медведи,  
Огромным стадом с гор спускаются.  
Внизу, где пели камни громко,  
Где эхо исторгало крик,  
Сидела девушка в штурмовке  
И ноги ей ласкал ледник.

## ВТОРОЕ ЧУВСТВО

Я думал, что все прошло,  
Меня сторожила чуткость.  
Зачем всем ветрам назло  
Приходит второе чувство?  
Гоню его прочь от себя...  
Ну что же это такое!  
Все люди и вещи спят,  
А мне вот не до покоя.  
Ты недруг мне или друг —  
Я не решу, наверное.  
Я знаю, из чувств этих двух  
Второе страшнее первого.

## АПРЕЛЬ

*Маленькая поэма*

Лишь глаза прикроешь —  
И приснится  
Юности нездешняя река,

Голубое платье из ситца,  
Ситцевые в небе облака,  
Зеленеющих полей полотна  
И большое мужество пути  
Вечно-вечно жаждущих полета  
Снова с юга прилетевших птиц.  
И уходят за цветами вьюжными  
В те места, где стонут провода,  
Девочка-струна,  
Весенний юноша,  
Кто готов за нею  
Хоть куда,  
Кто готов уйти по зову сердца  
В сумасшедший

Солнечный  
Апрель...

Брошенная ими сказка детства  
Прячется за тридцать земель.  
Кажется, она бы стала былью,  
Только лишь возьми  
Да постучи.

Может быть, и двери б отворились,  
Но давно потеряны ключи  
Где-то за дремучими лесами,  
Темными,

как долгая беда...

Где-то за гремучими ручьями,  
Где живая  
Плещется  
Вода.

Двое смотрят в синюю безбрежность,  
Горизонты взглядами края.  
Крошечными яхтами подснежники  
Уплывают в дальние края.

Им сейчас  
Вдвоем бы вдаль уехать,  
Ничего с собою не беря,  
В ту страну, где лишь хохочет эхо  
Да бросают ветры якоря.  
Не заметили среди цветов пахучих,  
От всего земного  
Далеки,  
Как подкралась к небосводу тучи,  
Как скрестились молнии-клинки.  
Пальцы в пальцы,  
И, сплетая руки,  
Побежали, в сказку не дойдя.  
А вокруг  
Невидимые луки  
Били в землю  
Стрелами дождя.  
...Зябко,  
Будто ветерком подуло,  
Нелегко  
Который час подряд  
Ощущать холодный,  
Словно дуло,  
Материнских глаз  
Упорный взгляд.  
Падали подснежники подкошенно  
Из девичьих рук,  
Как призрак зла.  
Спину выгнув вкрадчиво,  
Как кошка,  
Сплетня-вертихвостка в дом вошла.  
Выгони  
Попробуй  
Гостью важную,

Все равно она не убежит.  
Мир чужой она в замочной скважине  
Взглядом неусыпным сторожит.  
Нет,  
Не дашь, пожалуй, сплетне сдачу.  
Скользкая,  
Руками не возьмешь,  
Кумушки, как курицы, судачат:  
Дескать,  
Вот ведь нынче молодежь!  
Мол, поскольку видели их вместе,  
Значит,  
И недолго до греха.  
Ведь, бывало,  
Глаз поднять невеста  
Не посмела бы на жениха.  
Словно бритвы  
Языки отточены,  
Сколько слов, как семечек пустых.  
Были восклицанья,  
Многоточия,  
Точек не было  
И запятых.  
Часто верят сплетне, а не правде,  
Ну, а это значит —  
Быть беде.  
Если бы отнять у сплетни право  
В скважины замочные глядеть.

\* \* \*

Мать сказала, будто между прочим,  
Что признаться ей во всем пора.  
Ну какая, дескать, мать не хочет

Для любимой дочери добра.  
Сдвинув брови, намекнула  
Мельком,  
Что пора на нем поставить крест,  
Что ей сесть придется на недельку  
Под домашний бабушкин арест.  
Рановато, мол, считаться взрослой,  
Всякую заботу прочь гони.  
Ну, а слезы девичьи,  
Что росы,  
Солнце выйдет —  
Высохнут они.  
А цветы качались и гудели,  
Бушевали яростью в ночи.  
Если вы апрелем заболели,  
Знайτε —  
Тут беспомощны врачи!  
Говорят, что время — лучший лекарь,  
Но ничем он тоже не помог...  
Что осталось!  
Только лишь уехать,  
Ну хотя бы на короткий срок,  
Чтоб без долгих вздохов и стонаний  
Мужественно  
Ложку проглотить  
Горького лекарства —  
Расстоянья,  
Чтобы от самой себя уйти.  
Побежать туда, где легкой просинью  
Шпиль вокзала шумного обвит!  
— Вам куда!—  
Кассир привычно спросит.  
— Мне билет до станции любви.  
— Проданы...

Захлопнется окошко.  
Мимо пронесутся поезда.  
Как обидно,  
В рейс такой оплошно  
На одну секунду опоздать.  
Впрочем, нет.  
Не стал бы он терзаться.  
Только бы с одним плащом в руке  
Он помчался б самым скорым «зайцем»  
На грохочущем товарняке.  
Стал бы птицей.  
Ветром стал бы.  
Пулей.  
Чтоб догнать состав,  
Чтоб быть вдвоем.  
Был вокзал похож на шумный улей,  
Пчелами кружились люди в нем.  
Фонари бежали, словно солнца,  
Шумная дорожная страда.  
Кажется, страдал перрон бессонницей,  
Как страдают люди иногда.  
Мы порою где-то на перроне  
Оставляем горести свои.  
Отплывают медленно вагоны  
От нелегкой станции Любви.  
Покатилось небо черным шаром  
И сгорело, кажется, дотла.  
По асфальту вежливо шуршала  
К бедам равнодушная метла.  
Путевые столбики и будки.  
Отправлений неустанный бой.  
Может быть, была апрельской шуткой  
Грозовая первая любовь!  
Нам она нужна, как день весенний,

Словно воздуха пьянящий вдох.  
Приходили гости в воскресенье,  
Поднимался пар от влажных дох.  
Снег солидно таял на калошах,  
И она, закрыв платком лицо,  
Словно птица, выстрелом подкошена,  
Молча вылетела на крыльцо.  
А снежинки падали косые,  
И казалось, чуть не полземли  
Снежные подснежники Россию  
Голубой метелью замели.  
Словно выйдя из полей безбрежных  
В зимнюю ночную карусель,  
Целыми охапками подснежники  
Ей швырял в лицо хмельной апрель.  
Где он скрылся!  
За какой границей  
Золотятся юности огни!  
Таяли снежинки на ресницах,  
А быть может, вовсе не они.



## СОДЕРЖАНИЕ

В мавзолее . . . . .	3
Русским женщинам . . . . .	—
«И взглядом тоже предают...» . . . . .	4
«Мальчишка с детства бредит небом...» . . . . .	5
Календари . . . . .	6
Комбайн . . . . .	7
Грусть . . . . .	—
Раздумье . . . . .	8
«До отрешенности лихи...» . . . . .	9
«Ослепляла солнца ярость...» . . . . .	—
«...А в детстве ярче каждый миг...» . . . . .	10
Лунная соната . . . . .	11
«У памяти свои мосты...» . . . . .	—
«Мы входим в этот мир незримо» . . . . .	12
Март . . . . .	13
«У любви тоже возраст свой...» . . . . .	—
«Летят снежинки плавно, звонко...» . . . . .	14
«Тебя открыл я, как планету...» . . . . .	15
Август . . . . .	—
«Месяц в озеро с неба упал...» . . . . .	16
«В горах закаты цвета меди...» . . . . .	17
Второе чувство . . . . .	—
Апрель . . . . .	—

—

Редактор А. СҚВОРЦОВ. Художник В. КУЛЬШИН. Худож. редактор М. КИ-САМЕДИНОВ. Техн. редактор С. ЛЕПЕСОВ. Корректоры Р. ОСТРОВСКАЯ и М. КАЦ. Сдано в набор 20/V-1969 г. Изд. № 237. Подп. к печати 24/IX-1969 г. УГ09310. Бумага тип. № 1. Формат 70×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>-0,75 п. л.-1,05 усл. п. л. (Уч.-изд. л. 0,9). Тираж 8500. Цена 10 коп.

Заказ № 415. Типография № 2 Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров КазССР по печати, г. Алма-Ата, ул. К. Маркса, 63.